

РЕКОНФИГУРАЦИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА ДЛЯ СНИЖЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

В.В. Злобин

Московский Архитектурный институт (Государственная академия), Москва, Россия

Аннотация

В статье рассмотрена связь между появлением в городе очагов преступности и насилия с физическими особенностями городского пространства. В целом статья носит обзорный характер. Проведен исторический анализ этой связи. Рассмотрены примеры возникновения преступности в городском пространстве западных городов и городов Латинской Америки. Показано, что сообщества формируют вокруг себя физическое окружение и закладывают в него определенные нормы поведения, в т.ч. преступные. Даны рекомендации по модернизации системы проектирования и управления городским пространством в российских условиях.

Ключевые слова: безопасное городское пространство, сегрегация, снижение преступности, проницаемость, доступность, сообщества, регламент

RECONSTRUCTION OF CITY SPACE FOR DECREASE OF CRIMINALITY

V. Zlobin

Moscow institute of Architecture (State academy), Moscow, Russia

Abstract

The author of article tells about correlation places of crime and physical features of urban space. The article is expository. In the article there are historical analyze of this subject, examples of crime in the urban space of western cities and cities of Latin America. Researches of Oscar Newman and Ian Colquhoun are base for this material. There is a try to work with places of crime in Russian cities. Also the author shows us that communities are shaping special physical environment and give special rules of behavior including the crime. The other sides of successful community's living are physical features and ecological situation. Author's model describes correlation of level of crime and physical features of urban space (permeability and accessibility). The article contains recommendations for modernization of design system and territory management in the Russian conditions.

Keywords: safety urban space, segregation, crime reduction, permeability, accessibility, community, rules

Проблема уличной преступности и насилия в современных городах становится предметом особых забот архитекторов и градостроителей. Оказывается, что пространственно-планировочные решения в определенных условиях способствуют возникновению преступности. Западные исследователи накопили большой материал, демонстрирующий то, как те или иные архитектурно-планировочные решения могут способствовать снижению преступности.

Проблемы безопасности актуальны для всех городов мира, а особенно - для городов интенсивно развивающихся стран, которые пока что поверхностно копируют принципы организации западных городов. Подобную ситуацию можно наблюдать и в городах России. Основной задачей исследователей в области снижения преступности и насилия должно стать изучение местных условий и особенностей перед внедрением зарубежной практики. Однако для этого нам необходимо последовательное изучение этой практики и опыта работы с «трудными» местами в городе. Необходимо понять, как физическое окружение человека влияет на его поведение.

Выявление и преобразование удобных для преступников мест в черте города и за городом активно велось за границей, в частности на Западе. Такие страны как Великобритания, США, Швеция, Дания и т.д. занимались исследованиями в этой области, начиная с 1950-х годов, постепенно сокращая штат уличной полиции. Их успех заключается не только в разработке средств созидания безопасного городского пространства, которые лежат на поверхности и доступны проектировщикам всего мира. Западными исследователями была проделана огромная работа по модернизации всей системы проектирования и управления городским пространством на уровне их государственной политики. Без этого звена физическое преобразование теряет смысл. Важным выводом стало то, что невозможно поселить преступника в жилье, «ограничивающее его поведение» и утверждать, что более он не будет совершать правонарушений. В решении подобных вопросов все начинается с человека, а не с физического окружения. Ведь все без исключения люди способны усугублять криминальную обстановку – как преступники, так и их жертвы. Например, непредусмотрительность граждан способна подтолкнуть преступника к правонарушению. Китайская пословица гласит: «не оставляй дверь открытой – не делай из прохожего вора».

Также исследователи начали работать с проблемами перемещения преступников, в чем и заключается успех «отрыва криминала от земли». Западные исследователи разрабатывают такие пространства, в которых учтены многочисленные сценарии «пришлого» преступника, который орудует не на своей территории. Поставленные задачи решаются средствами планировки и уличного дизайна. Другой важной особенностью западного примера является наличие инстанций, в которых архитектурные проекты корректируются в соответствии с нормативами «безопасной» с этой точки зрения среды.

Средства архитектуры и градостроительства – это специфические средства снижения преступности, и здесь необходимо решение ряда вопросов, таких как: вопрос о степени воздействия пространственно-планировочного окружения на человека (в котором обосновывается эффективность снижающих преступность средств), вопрос о степени порядка в публичных и частных местах и о том, что такое порядок вообще? Связан ли он только с поведением человека или с иными сторонами нашей жизни? Частично, ответы на эти вопросы даны западными исследователями, что составляет для нас ценный опыт. Природа большинства городских преступлений различна, однако все они схожи в одном – в стремлении использовать окружающее городское пространство. Актуальность исследований, связанных с формированием «неудобных» для преступника пространств, была не раз доказана западными исследователями.

Прежде чем рассматривать комплекс мер по снижению преступности и насилия средствами планирования и дизайна, необходимо коснуться важной проблемы их влияния на человека и, в частности, удовлетворения его потребностей такими средствами. Оспариваемая сегодня точка зрения о возможности воздействия физического пространства на поведение людей, естественно, противостоит иной точке зрения о приспособляемости человека к

любимым условиям. Последнее утверждение как бы опровергает тезис о возможности снижения преступности, как разновидности поведения людей, средствами архитектуры.

Дело в том, что затрагиваемый предмет настолько многогранен, что необходим его анализ для нахождения эффективных средств. В данной работе не учитывается возможность психологического воздействия на человека тем или иным решением архитектуры и дизайна, не учитываются и образовательные функции архитектурной среды, латентные в формировании личности, в т.ч. преступной. Речь пойдет только о физическом воздействии на человека метрическими особенностями городского пространства, об ограничении сценариев его поведения и, соответственно, действий в окружающей обстановке.

Для нас важным является определение общественного «порядка» современного западного города. Порядок – это то, к чему стремятся любые средства снижения угроз жизни и имуществу граждан, например средства борьбы с преступностью. Однако на уровне организации жизнедеятельности населенных мест «порядок» иллюзорен и практически всегда выступает как абсолютная недостижимая цель. Поэтому в реальности любые средства его достижения превращаются в средства сохранения стабильности, т.е. в средства поддержания его равновесия. А это, в свою очередь, означает некое условное общепринятое понимание порядка, подобно константе в уравнении решения проблемы снижения преступности и насилия. Поэтому автор заимствует определение порядка из работ западных исследователей, имеющих дело с понятиями о жизни в своих городах.

В докладе ООН-Хабитат 2007 года отмечалась взаимосвязь между состоянием городской среды и ростом преступности. Там отмечалось, что 10-15 процентам совершаемых преступлений во всем мире способствует городская среда, в то время как глобально эти показатели выражаются в миллионах инцидентов правонарушений каждый год. Поэтому обдуманное построение городской среды, привлекая уличный дизайн и средовое проектирование, играет немаловажную роль в снижении риска смерти, получения травм, а также утраты имущества гражданами [2, с. 69].

Для понимания всей широты проблемы преступности в городе, а также диапазона средств ее снижения, необходимо взглянуть на ее историю. Городская преступность в корне отличается от иной, такой как грабежи на дорогах или набеги на поселения. Она могла возникнуть только с появлением городов, как специфический вид деятельности граждан, подстегиваемых разнообразными лишениями, по сути, живущих за счет других людей. При этом преступность не исчезала никогда и нигде, если речь шла о развитии городов, потому что основное свойство города – совмещать многое на ограниченной территории – «выходит боком» для населения, когда бедные сталкиваются с богатыми, люди одних национальностей с другими, религиозные последователи с другими и т.д.

В городской культуре западных городов прочно укоренился термин «гетто», впервые прозвучавший в Венеции XIV века. Венецианский район Канареджо явился одним из первых примеров дискриминации на национальной и религиозной почве, а также впервые обрел физические границы, иначе – объемно-планировочные ограничения, в структуре города.

Этот изолированный район возник после того, как в 1516 году Советом Десяти было принято решение поселить всех евреев Венеции отдельно от основного населения. Район был окружен каналами и связан с остальным городом тремя мостами, которые вечером закрывались воротами [4]. И хотя Канареджо не стал источником преступности и насилия в Венеции, вместе с ним появилось эффективное средство реализации политики сегрегации в черте города. Однако в дальнейшем основными следствиями этого явления стали преступность и насилие.

Сегрегация – это пространственное отделение расы, класса или этнической группы путем дискриминационных мер [5]. Сегрегация была закреплена законодательно как на юге США до 1950-х годов по расовому признаку так и в системе апартеида в Южной Африке. Однако сегодня сегрегация не имеет силу закона и вытекает из социальной и экономической ситуации. Условия современного «сверхурбанизированного» города обостряют ее,

сталкивая на ограниченной территории интересы различных социальных групп. Это приводит к формированию дифференцированного по этому признаку жилого или общественного пространства, где в условиях социальных противоречий появляется преступность и насилие. Дифференциация происходит средствами градостроительства и архитектуры.

Примеры выражения такими средствами узаконенной или нет сегрегации, мы можем встретить повсеместно. Это и самый известный символ Холодной войны – Берлинская стена, возведенная властями ГДР в 1961 году, как следствие узаконенной сегрегации, и печально известные своим высоким уровнем криминальной обстановки бразильские «фавелы», возникающие незаконно возле крупнейших городов. Естественные условия в виде русла реки или особенностей рельефа также способствуют изоляции и повышению преступности. Например, территория гаваней Ист-Энда в Лондоне, по сути – доки, окруженные с трех сторон водой, являлась неблагополучным районом вплоть до середины XX века.

После перечисленных примеров возникает вопрос – почему средства архитектуры и градостроительства не могут снижать преступность, если могут ее повышать?

По материалам Британского Криминального Обозрения с 1995 года снижение преступности в Британии наблюдалось каждый год. Они констатируют, что за пять лет после периода увеличения преступности, когда ее уровень стабильно повышался с 1981 по 1991 год, произошло снижение на 22%. Этот успех в остановке и изменении уровня преступности связан с инновационной политикой, такой как закон 1998 года «О Преступности и Беспорядке», «Устойчивости в жилье», введением новых должностей, таких как «Смотрящий за окрестностями» [1, с. vi]. По сути, снижение преступного поведения средствами архитектуры воспринимается на Западе, как развивающаяся область, которая соединяет промежуток между проектом и управлением городской окружающей средой.

Теперь рассмотрим социальный аспект снижения преступности и насилия средствами градостроительства и дизайна. Западная культура неразрывно связана с экстраверсией, с развитием наружу, а не внутрь, как на Востоке. Из этого следуют как определенное понимание мира, так и организация искусственной среды обитания человека по его подобию. Различие понимания безопасности, как качества жизнедеятельности в населенных местах, в таком случае, заключается в пространственно-планировочных характеристиках территории. Безопасность в понимании жителей стран Востока – это, прежде всего, изолированность, замкнутость, тогда как в западной культуре сложилось устойчивое понимание сохранности жизни и имущества именно в публичных местах.

Самыми опасными местами на Востоке считаются площади, ранки и базары, от чего пытаются обезопасить себя люди с высокими доходами, селясь на окраинах. Самыми безопасными местами в городах Запада считаются, наоборот, – центральные районы с плотной благоустроенной застройкой, где появляется очень важное для этой культуры понятие «соседства». Которое, как, впрочем, и за городом, определяет устойчивость сосуществования жителей. Многочисленные западные исследования в этой области берут за основу, прежде всего, социальную устойчивость, когда речь заходит об обобщенном понимании безопасности.

Понятие «сообщество» или «коммуна» (англ. community) – одно из наиболее популярных в западной социологии. Часто изучение сообществ (англ. community studies) осуществляют в контексте городской социологии, но иногда совершенно самостоятельно. В отечественной социологии достаточно сложно найти термины или направления исследований, тождественные изучению сообществ в западной традиции. Д. Хиллари приводит данные о 94-х определениях термина «сообщество». Единственное, что есть схожего в этих определениях, это то, что сообщество «объединяет людей» [3]. Исследователи из области архитектуры заимствовали это понятие как связь социальной и пространственной структур.

Метрические характеристики пространства призваны обеспечивать условия существования социальных структур: сохранять их безопасность или наоборот – разрушать. Это в итоге подчеркивает превосходство социальной устойчивости на определенной территории над пространственно-планировочной организацией. Результаты деятельности таких исследователей как Оскар Ньюмен, др. Тим Пэско, Ян Кокухун, Рене Б.П. Хесселинг и т.д. можно отразить в приведенной ниже модели (Рис. 1), где представлены уровни и средства снижения преступности и насилия по мере их значимости. В основе модели лежит устойчивость проживающих на определенной территории сообществ. Доступность мест, проницаемость пространств и благоустроенность территории – все это объемно-планировочные средства. «Экологичность среды» завершает пирамиду как совокупность общих положительных качеств среды, а вместе с тем венчает культуру западного подхода к снижению преступности и насилия.

Рис. 1. Модель средств снижения преступности и насилия по мере их значимости

Главными ориентирами в пространственно-планировочной организации становятся доступность (англ. accessibility) и проницаемость (англ. permeability) городской среды, посредством которых решаются соответствующие проблемы. Это указывает на возможные недостатки градостроительных решений, когда вопрос безопасности решается на уровне планирования городской территории. Наличие преступности и насилия на конкретной территории это, как правило, признак неудачного подхода к ее организации. Пространственно-планировочные решения, формирующие в таком случае городскую среду, становятся достаточными условиями для возникновения и поддержки преступности и насилия. Ухудшение криминальной обстановки, если рассматривать селитебную территорию, начинается с неустойчивости социальных связей или с их негативной специфики – это одна из причин образования гетто (пример сегрегации). Иными словами, куда ни сели преступников, всегда и везде они будут вести себя как преступники, т.к. сохраняется специфика социальных связей. Их разрушение становится единственным выходом из такой ситуации. Но как только мы говорим об условной территории, где может оказаться пришлый преступник, очевидно, что опасность исходит от окружающего физического пространства, создающего достаточные условия для появления преступности и насилия.

Рис. 2. Модель снижения доступности и проницаемости городского пространства

Примеры результатов неудачных планировочных решений, нарушающих устойчивые социальные связи, приведены в авторской модели снижения доступности и проницаемости (Рис. 2). Условные процентные соотношения демонстрируют степень ухудшения ситуации, т.е. увеличения преступности и зависимость этого процесса от доступности и проницаемости, как особенностей пространства. Изоляция – крайняя степень ухудшения ситуации, когда на городской территории образуются неуправляемые очаги преступности и насилия.

Большинство западных исследователей воспринимают метрические характеристики физического пространства как условия, дающие преступнику определенные возможности. Важным выводом является то, что наиболее приспособленные для преступлений пространственно-планировочные условия притягивают к себе преступников.

Во многих западных странах причины развития преступности, связанные с массовым строительством жилья послевоенных лет, схожи: широкомасштабные программы застройки и проекты строительства. Для того чтобы решить насущную необходимость в жилье были использованы не опробованные строительные системы высотного жилья в 1960-х. Это привело к концентрации высотной застройки и уплотнению территорий в более поздних 1970-х и в начале 1980-х. Повсюду была острая нехватка опыта со стороны всех участников, в том числе, и со стороны архитекторов.

Оскар Ньюмен рассмотрел причины массового роста преступности после 1940-х годов. Высотный дом с консьержем и службой безопасности хорошо удовлетворял потребности малодетных семей с доходом выше среднего. Но это не может быть просто перенесено в дома семей низкого дохода. Ньюмен полагал, что не было никакой объективной причины для строительства высотного жилья, причина одна: диктат инвестиционной политики того времени. После строительства высотные здания оказались опасными для жилья,

дорогостоящими в обеспечении. Экономический аргумент, который привел к их начальной постройке, полностью изменился.

В те времена инвесторы оценивали проект с точки зрения социальных издержек для жителей, что считалось убыточным. В их проекте не было никакой ссылки на предшествующие традиции и никакой попытки понять диапазон потребностей, адекватных человеческой среде обитания. Беспокорство Ньюмена было связано с высотным жильем в Нью-Йорке. Опыт Великобритании с 1945 года показывает, что подобные проблемы могут произойти и в других формах жилья более низкой этажности и более низкой плотности. [1, с. 39].

Пример Нью-Йорка демонстрирует нам немаловажную проблему утраты человеческого начала в технократическом обществе. Массовое строительство жилья, планирование новых районов на Западе в послевоенные годы велось в рамках прагматических взглядов, а доминирующим стилем того времени был модернизм. Техническая простота и ясность планировочных решений отчуждали человека, делая его уязвимым во всех отношениях.

На сегодняшний день развивающиеся страны с колоссальным приростом населения и темпами урбанизации сталкиваются с проблемами формирования планировочных условий, повышающих преступность и насилие. Интересными стали сведения о том, что плохое планирование, проектирование и управление городской окружающей средой грозят гражданам смертельной опасностью, увечьями и потерей собственности.

В упомянутом докладе ООН-Хабитат [2, с. 69] говорится, что причиной 10-15 процентов преступлений в Сан-Паулу в 2000 году явилось состояние среды и форм управления жизнедеятельностью населения. В городе и его периферийных областях теперь проживают более 18 миллионов человек. Население центрального Сан-Паулу между 1940 и 1960 годами увеличилось на 171%, а его пригородные области выросли в тот же период на 364%, в значительной степени из-за сельской внутренней миграции.

Гражданские службы были поражены темпом и размерами прироста населения и оказались неспособны работать с сотнями незаконных городских новообразований, которые возникали в неблагополучных районах, где правовые отношения были низкими или вовсе отсутствовали. Преступность увеличилась вместе с быстрым темпом урбанизации. В 1999 году было зафиксировано 11 455 убийств, что больше показателей Нью-Йорка в 17 раз (667 убийств).

Возвращаясь к проблеме сегрегации как фактору преступности и насилия, необходимо рассмотреть сопутствующие пространственно-планировочные условия. В примере разросшегося Сан-Паулу показаны стихийно-возникшие городские поселения – так называемые «фавелы». Пространственно-планировочные решения выступают здесь как условия, способствующие сегрегации и росту преступности. Реалии бразильских городов таковы, что без «фавел» не обходится ни один из них, даже утопичная по замыслу столица Бразилиа Оскара Нимейера.

Средства предотвращения образования потенциально-опасных зон на территории города открывают новое направление в практике проектировщиков. Тем более что такая работа затрагивает вопросы ограничения роста преступности и насилия. Практикующие архитекторы Запада решают поставленные обществом задачи заурядными средствами, однако, в рамках всеобъемлющего и устоявшегося подхода борьбы с преступностью.

На сегодняшний день в западной градостроительной практике, основанной на принципах правовых взаимоотношений всех участников развития населенных мест, сложился действенный регулирующий механизм – градостроительный регламент, который, в свою очередь, является частью Правил Землепользования и Застройки (аналогичные термины из российской практики).

Регламенты дают застройщикам метрические пределы их будущих объектов с учетом того, что приемлемо или неприемлемо в городе. Неприемлемым в общем ряду считается и все то, что не обеспечивает безопасность граждан. Поэтому для внедрения средств градостроительства и дизайна, реально снижающих риск стать жертвой преступности и насилия, регламент – наиболее краткий путь.

Регламент, в широком его понимании, состоит преимущественно из запретительных мер, тогда как «естественность» жизни на городских улицах складывается не из этого. В этом смысле задача регламентов - не что-либо ограничивать, а создавать условия для нормальной жизнедеятельности людей и развивать социальные связи на территории, т.е. формировать сообщества. Из устойчивых социальных связей берутся нормы общественного поведения, понимание «порядка» и неприятие тех видов поведения, которые нарушают его.

Сам факт создания инкубаторских условий для выращивания сообществ переносит наше внимание от решения проблем человека проектно-техническими средствами к созданию условий для того, чтобы человек решал их сам. К слову сказать, условия эти создаются такими же проектно-техническими средствами, не ограничивающими выбор, а наоборот - расширяющими его. Применение регламентов в практике проектирования и управления должно быть направлено не на ограничение и (или) запреты, а на гибкое регулирование естественной жизни городских сообществ. И первым шагом в применении таких средств регулирования становится признание этих сообществ, их уклада жизни, их понимания безопасности и порядка.

В городах России исследования городских сообществ только начинают проводиться, ведь не так далеки времена, когда в СССР уклад жизни был преимущественно однороден и практика исследования сообществ попросту отсутствовала. С другой стороны, социальные и экономические противоречия уже в постсоветском обществе привели к очень простой схеме социальной стратификации, где были «бедные» и «богатые» и, соответственно, жилье «эконом» и «премиум» класса. Вопросы безопасности и регулирования поведения в таких реалиях решались просто: полной изоляцией одних от других, что, как мы увидели, только повышает уровень преступности и насилия.

Подводя итог решения проблемы снижения преступности и насилия средствами градостроительства и дизайна в городской среде, необходимо понимать следующее. Наиболее успешными в этой области оказались западные исследователи, и дело здесь не только и не столько в более высоком уровне жизни и иной культуре. Дело в умении исследователей, проектировщиков, а затем и управленцев, грамотно подойти к анализу социальной структуры, выявить основные условия ее существования и поддержать, либо скорректировать ее в нужном направлении. Как показывает практика западных проектировщиков и менеджеров территорий, часть этого можно делать пространственно-планировочными средствами.

Следующим заключительным пунктом является признание сообществ и необходимости сотрудничества с ними. Поэтому в выявленных криминальных сообществах, где произошла подмена понятий и ярко выраженное преступное поведение превалирует, пропадает всякая необходимость в каких-либо средствах. Нужно рушить всю пирамиду средств, сохраняющих стабильность таких сообществ. Это можно сделать путем расселения носителей криминальной, этнической и любой другой культуры, т.е. посредством дисперсной изоляции их друг от друга. Сообществам, которые хотят развивать свою территорию, делать ее более безопасной необходимо оказывать поддержку.

Выводы

Для российской действительности наиболее актуальным должно стать изучение социальной стратификации. Также необходим подробный анализ моделей поведения представителей стратифицированных социальных групп на улицах города. Соотнесение результатов с пространственно-планировочной структурой города – это следующий этап в поиске направлений реконфигурации городского пространства. Выводы должны лечь в основу

пересмотра городской политики управления и развития проблемных территорий. Для этого необходимо осуществить введение соответствующей методической литературы в практику городского проектирования и планирования.

Conclusion

For Russian realities is actual the research of social stratification. It is necessary to analyze in detail the behavior models of members of the stratified social groups on the streets. Correlating the results with the spatio-planning structure of the city is the next point in the search of trends in the reconfiguration of urban space. Findings should form the basis for the revision of urban policy development and management of problem areas. It is necessary to carry out the introduction of relevant methodical literature in practice of urban design and planning.

Литература

1. Colquhoun, Ian. Design out crime: Creating Safe and Sustainable Communities / Colquhoun, Ian. – Oxford.: Architectural press, 2004. – 326 p.
2. Enhancing urban safety and security – Global report on human settlements 2007 / EARTHSCAN. – London, Sterling, VA, 2007. – 478 p. Available at: <http://www.unhabitat.org/downloads/docs/GRHS2007.pdf>
3. Вагин В. Социология города [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Vagin/index.php
4. Венецианское гетто [Электронный ресурс]. – URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Венецианское_гетто
5. Джери Д. Большой толковый социологический словарь. – М.: АСТ, Вече, 1999. Т.1. – 544с., Т.2 - 528с.
6. Краткий философский словарь. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. – 496 с.
7. Крашенинников А.В. Градостроительное развитие жилой застройки: исследование опыта западных стран: учеб. пособие. – М.: Архитектура-С, 2005. – 112 с.
8. Криминология: Учебник / Под ред. акад. В.Н. Кудрявцева, проф. В.Е. Эминова. – М.: Юрист, 1997. – 512 с.

References

1. Colquhoun, Ian. Design out crime: Creating Safe and Sustainable Communities. Oxford.: Architectural press, 2004, 326 p.
2. Enhancing urban safety and security – Global report on human settlements 2007. Available at: <http://www.unhabitat.org/downloads/docs/GRHS2007.pdf>
3. Vagin V. *Sotsiologiya goroda* [Sociology of city]. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Vagin/index.php
4. *Venetsianskoe getto* [Venetian ghetto]. Available at: http://ru.wikipedia.org/wiki/Венецианское_гетто

5. Jerry D. *Bol'shoy tolkovy sotsiologichesky slovar'* [The big explanatory sociological dictionary]. Moscow, 1999, Vol.1, 544p., Vol.2 – 528p.
6. Aleksyeev A.P., Vasilyev G.G. *Kratky filosofsky slovar* [Short philosophical dictionary]. Moscow, 2007, 496p.
7. Krasheninnikov A.V. *Gradostroitel'noe razvitie zhiloy zastroyki: issledovanie opyta zapadnyh stran* [Urban residential development: research of the experience of Western countries]. Moscow, 2005, 112p.
8. Kudryavtsev V.N., Eminov V.Ye. *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow, 1997, 512p.

ДАНЫЕ ОБ АВТОРЕ

В.В. Злобин

Аспирант кафедры Градостроительства, Московский архитектурный институт
(Государственная академия), Москва, Россия
e-mail: taliezin85@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

V. Zlobin

Post-graduate student, chair of Town planning, Moscow institute of Architecture, Moscow, Russia
e-mail: taliezin85@gmail.com